

## ВЕЧЕРНЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Чекулай И.В., д. ф. н, проф., БГИИК, Россия  
Прохорова О.Н., д. ф. н., проф., БелГУ, Россия

### МАТРИЧНЫЙ ПРИНЦИП ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА КАК ПРЕДМЕТНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦЕННОСТИ

В статье рассматривается матричный принцип категоризации относительно-оценочных связей между словами языка, которые могут передавать ценностные отношения в виде оценочных суждений. Матрица предполагает наложение опыта различных пользователей языком, позволяющее в дальнейшем обобщать ценностно-оценочные интерпретации этого опыта в виде единиц языка и речи. В статье рассматриваются принципы матричной организации ценностных концептов.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, ценность, оценка, матричный концепт.

Chekulay I.V., Prokhorova O.N.

### THE PRINCIPLE OF WORLD MATRIX UNDERSTANDING AS AN OBJECT-LANGUAGE SEMANTIC IDEA OF VALUABLE RELATIONS

The article deals with the matrix principle of categorization of the relative and evaluative ties between the words of a language that may convey value relations in the form of evaluative sentences. The matrix presupposes summing up the experience of different language users that can generalize value and evaluative relations in the form of language and speech units. The article views the principles of matrix structuring of value concepts.

Keywords: conceptualization, categorization, value, evaluation, matrix concept.

Не подлежит сомнению, что аксиологическое, или ценностное, представление о вещах и явлениях материального мира, человеческих отношений и человеческого сознания возникает как следствие эмпирического переосмысления данных о предмете. Однако такое воздействие, а точнее, эффект такого воздействия, может быть сходным или идентичным с воздействием других объектов, в том числе и разного рода. Это может сказываться, в частности, на психосоматических эффектах воздействия на человека. Так, при поднятии большого веса или при сильном негативном эмоциональном переживании у человека проявляются одни и те же симптомы — усиленное сердцебиение, кровь приливает к лицу или отливает от него и т.п. На этой основе (несомненно, в результате устойчивой метафорической ассоциации) у человека формируется понятие "тяжести" как чего-то неприятного, нежелательного, мешающего его нормальной жизнедеятельности.

Этот концепт откладывается в памяти, при этом он имеет расплывчатые очертания, подобные тем, которые имеет оставленный многими ступнями след. В дальнейшем человек использует этот концепт для экспликации прочих негативных воздействий на сферу физиологическую и ментальную. При этом концепт в конкретной ситуации общения обретает четкую форму вследствие взаимодействия как с ситуацией, так и с концептами, наполняющими эту ситуацию. Аналогичные воздействия, влияющие на формирование ценностного опыта, оказываются и в результате чувственного познания мира [6: 2005].

В связи с этим нам представляется уместной аналогия с процессом материального производства. В практике обработки металлов давлением типичным является процесс, когда некую форму, которая называется "штамп", "пуансон", "матрица", используют для формирования из нагретого до определенной температуры металла с целью получения приближающейся к этой форме заготовки, которая после ее остывания подвергается чистовой обработке, например, на токарном, строгальном или карусельном станке. Подобно этому процессу, аксиологический штамп накладывается на содержательные характеристики концепта и приобретает оценочные параметры, налагаемые структурой самого предметного концепта, тем самым приобретая в сознании «чистовую» форму, мыслимую как единство предметного и аксиологического концептов. Таким образом, оценочный концепт функционирует как своего рода «матрица» для передачи общереферентного содержания ситуации, наводимой в дискурсе структурными и семантическими характеристиками содержания высказывания, сверхфразового единства, текста. Тем самым представляется возможным говорить о *матричных аксиологических концептах*. В связи с рассмотренным выше концептом *тяжесть* можно привести примеры таких матричных композитов на примере словосочетаний *тяжелый случай*, *тяжелая потеря*, *тяжелая доля* и им подобным, где содержание составляющих концептов не равно простой сумме нового концепта, что полностью соответствует основным постулатам композиционной семантики, представляющей собой часть общей когнитивной теории языковых явлений.

Термин "матрица" в инструментарии когнитивной лингвистики не нов. Термин "сложная матрица" (complex matrix) в понимании Р.Лангакера предназначается для описания тех случаев (и Лангакер подчеркивает, что эти случаи наиболее многочисленны), когда необходимо установление соотношения с несколькими концептуальными областями [7: 4]. Однако такая интерпретация данного термина представляется весьма обширной с точки зрения описания структуры концептов, поскольку она в принципе приемлема практически для всех случаев, рассматриваемых в сфере проблем композиционной семантики. Матрица в логике может рассматриваться как формализованная логическая последовательность, включающая перечень смыслов, имеющих культурную ценность [5: 7]. Рассматриваемый в данной работе подход предполагает существование особого структурного типа концептов, обладающих достаточно высокой степенью сложности их категориальной отнесенности, т.е. концептов, в которых отражаются сразу

несколько семантических категорий. Впрочем, нетрудно заметить, что существенных расхождений в этих интерпретациях термина «матрица» не наблюдается.

Нетрудно заметить, что матричная гипотеза описания структуры концепта не ограничивается только сферой оценки. Можно предположить, что матрично-суммарный принцип лежит и в основе образования концептов с абстрактным содержанием, эмотивных концептов и прочих типов структур для представления знаний, не связываемых непосредственно с чувственно-наглядными референтами внешнего мира.

Представляется, что основные концепты, формирующие понятийную структуру общей системы относительных понятий как материального, так и идеального мира, являются именно матричными, основанными на переосмысленном метафорическом и метонимическом употреблении некоторых основных концептов, пришедших, в первую очередь, из сфер субъективных ощущений, но имеющих, тем не менее, объективную биологическую основу, объясняющую одинаковые соматические реакции у подавляющего большинства людей с нормальным развитием организма. Естественно, это универсальная характеристика, что и объясняет употребление в различных языках тождественных или очень близких по семантическому объему и содержанию лексем.

Такой подход к проблеме определения внутренней структуры ценностных концептов, взятых как отдельные ментальные сущности, не только не устранил, но и затрудняет систему описания взаимосвязей этих концептов как единой, определенным образом сбалансированной и тем самым имеющей потенциалы к функциональной реализации системы. Матричный, расплывчатый характер ценностного концепта дает основания усомниться в его связи с другими такими же концептуальными матрицами.

На наш взгляд, основным критерием к разрешению данной проблемы является ценностный опыт индивида. Сталкиваясь с необходимостью квалификации явления действительности или сознания, человек накапливает в своем сознании опыт таких квалификативных отношений. В то же время он параллельно фиксирует, с одной стороны, аналогичные квалификативные ассоциации в результате выполнения различных видов деятельности, отличающихся по целям, задачам, средствам, алгоритму и результату их выполнения. С другой стороны, он накапливает в своем ценностном опыте имплицитивные ценностных отношений связи различных стадий деятельности. Например, когда человек ест персик в первый раз, он фиксирует, что в результате он получает удовольствие и сенсорное наслаждение. Этот квант своей эмпирики вкусовых ощущений он ассоциирует с приятным состоянием.

Напротив, попробовав первый раз горький перец, он фиксирует в своем сознании отрицательный сенсорно-вкусовой опыт. Поскольку в этом случае алгоритмом деятельности можно пренебречь (процесс вкушения пищевых продуктов не зависит от их вкусовых свойств), то в сознании устанавливается имплицитивная связь: «Персик вызывает приятные ощущения, а перец – неприятные, даже болезненные». Пробуя в другой раз иные продукты,

например, шоколад, яблоко, арбуз, апельсин, ананас, он ассоциирует их с ощущениями, полученными в результате вкушения персика, а свой чувственный опыт пробы чеснока, лука, хрена, горчицы и им подобным продуктов он соотносит с эмпирическим сенсорно-вкусовым опытом пробы перда. Основной момент ценностной категоризации в таких случаях состоит в том, что одинаковая деятельностная взаимосвязь «продукт – сенсорно-вкусовое ощущение», с одной стороны, обобщает вкусовые ощущения от одних видов продукта как приятные, а от других – как неприятные.

Но такой концепт не был бы матричным без обратной связи. На основе концептуальной метонимии «приятный вкус → вкус персика» субъект оценки распространяет ассоциативную квалификацию данного ценностного опыта и на другие сферы жизнедеятельности и соответственно сферы частной оценки. При этом следует учитывать, что ассоциативная ценностная связь имеет свои пределы. Так, отнесение сенсорно-вкусовых оценочных квалификаций к гедонистическим оценкам предполагает возможность метафорической оценки, например, женской фигуры в устах представителя сильного пола, как «персика», причем здесь идет обратная метонимия – под «персиком» понимается, как правило, не отдельная часть тела, а женская фигура в целом. Особенно такая метафора «красивая женщина → персик» распространена у восточных народов.

Данную схему категориальных взаимоотношений концептов нельзя считать законченной без того, что индивидуальные ассоциации и импликации ценностного характера должны иметь не только содержание, но и свою морфологию. Такой объективной формой воплощения ценностного и оценочного содержания в условиях человеческого общества была и остается система языка и речи. Ценностные концепты не могут не воплощаться в форме языковых единиц, иначе бесформенность их содержания не имела бы никакой функциональной значимости, тем самым превращая эти ценности в нечто бесполезное, не имеющее никакой ценности для индивида и социума. Именно по этой причине философская аксиология и лингвоаксиология не просто практически неразделимы, а являются своего рода аверсом и реверсом ценности как данности менталитета человека, и изучение философских аспектов ценности возможно лишь в терминах языкового обозначения ценностей. С учетом аксиомы «Язык – это воплощенное сознание» мы в дальнейшем ходе исследования не будем дифференцировать ценностные концепты как ментальные данности и их выражение языковыми знаками.

Достаточно сложную проблему представляет собой стратификация ценностных концептов. Как известно, на основе теории «семейного сходства» Л.Витгенштейна Дж. Лакофф предлагает следующую концепцию уровневой организации категорий: «Категории не только организованы в иерархию от наиболее общих к наиболее конкретным категориям, но также организованы таким образом, что базовые с когнитивной точки зрения категории находятся «в середине» иерархии общего – конкретного. Генерализация происходит по направлению «вверх» от базового уровня, а специализация – «вниз» [3: 29].

Матрицы формируются не только на основе ассоциативной связи между предметом и его признаками, которые положены в основу его оценочной квалификации, но и в пределах собственно ценностных концептов различного плана категоризации. Анализируя концепцию естественного семантического метаязыка А.Вежбицкой, Р.М.Фрумкина показывает, что такие слова английского языка, как, с одной стороны, *coward* и *brave*, и, с другой стороны, *bald*, относятся к разным планам категоризации на том основании, что первые два слова обозначают противоположные оценочные квалификации, а слово *bald* является нейтральным [4: 53]. Это, действительно, так, поскольку *bald* в самом деле несет в своей семантике идею безразличия к тому, как следует поступить. Тем не менее, способность последнего слова реализовываться в противоположных по своему знаку оценочных смыслах также не подлежит сомнению, причем чаще оно актуализируется именно в отрицательном оценочном смысле. Но то же можно сказать и о глаголе, образованном по конверсии от прилагательного *brave*, где дифференциальные оценочные маркеры снимаются в значении «наглость»:

*'Young wretch!' said one woman.*

*'Go home – do, you little brute!' said the other.*

*'I'm not,' replied Oliver, greatly alarmed. 'I don't know her. I haven't any sister, or father and mother either. I'm an orphan; I live at Pentonville.'*

*'Oh, only hear him, how he braves it out!' cried the young woman [Dickens].*

Как представляется, выход из данного когнитивного тупика следует искать в той же теории «семейного сходства» Л.Витгенштейна. Понимание сходства предполагает не только иерархические вертикальные связи, но и горизонтальные. В частности, он пишет: « Мы обнаруживаем, что то, что связывает все случаи сравнения, это огромное число нескладываемых друг на друга подобий, и поскольку мы видим это, мы не можем больше говорить о том, что должна существовать одна особенность, общая для всех случаев» [2: 240-241].

Аналогия мыслительных ассоциаций с семейным сходством, как представляется, предполагает не только непосредственное иерархическое подчинение концептов, например, по признаку «поколение» («дед – отец – ребенок»), но и иную, релятивную структурированность. Так, в данном случае мы намеренно ввели в данный ряд слово, не относящееся к терминам кровного родства, потому что слова «сын» или «внук» были бы нарушением по отношению к одному из предыдущих членов ряда. Семейное сходство предполагает не только иерархическое сходство, но и линейное, горизонтальное. Так, братья-близнецы имеют гораздо большее внешнее сходство, нежели каждый из них с дедом или отцом. В аналогичном соотношении находятся и ценностные концепты. Многие из них функционально фактически являются «близнецами» (например, IMPORTANCE и SIGNIFICANCE). Но, в то же время, близнецы могут иметь совершенно различный характер. В этом плане каждый из них в отдельности может напоминать отца или мать, деда или бабушку и т.п. (в русском языке для этого существует очень удачная метафора из области-источника «путь» – «пойти в

кого-то»). Поэтому в системе категориального соотношения различных ценностных концептов могут наслаиваться различные категориальные основания, и для того, чтобы каким-то образом связать их, мы подбираем более или менее подходящие языковые обозначения этим ментальным сущностям. Как пишет Л. Витгенштейн, «Предмету приписывают то, что является способом его представления. Находясь под впечатлением возможности сравнения, мы принимаем ее за восприятие некоторого крайне общего положения вещей. Когда же мы полагаем, что должны найти этот порядок, идеал, в реальном языке, мы не удовлетворены лишь тем, что в обыденной жизни называют предложением, словом, знаком» [1: 122-123].

Поэтому система передачи ценностных представлений, или ценностных концептов, языковыми знаками предполагает несколько иную самоорганизацию, нежели организация соотношения языковых обозначений предметных категорий. В то же время, мы располагаем определенным ценностным опытом в нашем сознании, мы можем дифференцировать различные ценности, а это означает, что в основе такой дифференциации заложена система, имеющая определенную иерархию ее элементов, иными словами, категориальная система.

Данные соображения позволяют прийти к достаточно важному выводу, который представляется главным в выработке концепции ценностных категорий языка и сознания. Пересечение двух планов категоризации – предметного и деятельностного – приводит к тому, что ценностные концепты существуют параллельно в двух плоскостях категоризации. Такая двойственность категоризационных оснований определяет как матричный характер самих ценностных концептов, так и сетевой принцип описания отношений и системных имплицативных связей между ними. Это и позволяет прийти к заключению о том, что ценностная категоризация существует в сознании и языке, однако это категоризация особого рода, которую следует описывать с приставкой «квази-».

#### Литература

1. Витгенштейн 1985: Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 79-128.
2. Витгенштейн 2005: Витгенштейн, Л. Избранные работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. и англ. В. Руднева. – М. : Территория будущего, 2005. – 440 с.
3. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шагуновского. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 792 с.
4. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2001. – 320 с.
5. Харламова, Л. А. Матричный принцип формулы 'faith, hope, charity'- 'вера, надежда, любовь' и составляющих ее концептов (на материале английского языка и культуры) : автореф. дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. А. Харламова. – Барнаул, 2006. – 21 с.

6. Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис.... д-ра филол. наук, 10.02.04 // И.В.Чекулай. – Белгород, 2006. – 473 с.

7. Langacker, R. W. Concept, image and symbol : the cognitive basis of grammar / R. W. Langacker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.

**Багана Ж.**

д.ф.н., проф. НИУ «БелГУ», Россия

### **ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ АФРИКАНИЗМЫ, СОДЕРЖАЩИЕ ЗООНИМНЫЕ КОМПОНЕНТЫ С НЕКОТОРЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФАУНЫ**

Данная статья посвящена зоонимным фразеологическим африканизмам, показывает национально-культурную специфику Африки в выражении качественной оценки человека через метафорические сравнения с представителями фауны, выделяет схожие черты и различия между французским языком Франции и Африки и между культурами континентов.

Ключевые слова: зоонимы, фразеология, фразеологические африканизмы, Африка, фауна.

**Baghana J.**

Belgorod National Research University, Russia

### **PHRASEOLOGICAL AFRICANISMS WITH ZOONYM COMPONENTS OF FAUNA**

This article focuses on the phraseological africanisms with zoonym components, shows cultural identity of Africa in terms of qualitative assessment of man through the metaphorical comparison with the animals, highlights the similarities and differences between the French language in France and Africa and between cultures of continents.

Keywords: zoonym, phraseology, phraseological Africanism, Africa, fauna.

Более ярко проявляется национальная специфика при сравнении ФЕ (фразеологической единицы), содержащих названия животных. Качественная оценка человека, выраженная переносными значениями слов, которые в своих прямых значениях обозначают животных, носит зачастую ярко выраженную национально-культурную специфику.

По мнению В.В. Яковлевой, метафоризация зооморфизмов вообще характерна для многих языков: во многих фольклорных системах, а в последствии и в литературных формах (сказках, баснях и т.д.) животные являлись олицетворением человека, наблюдение за их повадками дало почву для образных сравнений, ставших затем устойчивыми и превратившихся в компаративные ФЕ. Как правило, животные в таких ФЕ соотносятся с человеком, их повадки и качества с какими-либо человеческими чертами